

Иванова Мария Геннадьевна

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ МОТИВОВ
КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ**

В статье анализируются отдельные философские и методологические аспекты исследования архетипов. Основное внимание автор акцентирует на значении народных сказок как источника глубинных концептов и символов национальной культуры. Рассматривается авторская методология эмпирического исследования скрытых в коллективном сознании архетипических мотивов на основе моделирования сказочных сюжетов. В основу предложенной методики положены теоретические разработки психоаналитического подхода, положения персонализма, а также идеи восточной и русской философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 58-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1

Философские науки

В статье анализируются отдельные философские и методологические аспекты исследования архетипов. Основное внимание автор акцентирует на значении народных сказок как источника глубинных концептов и символов национальной культуры. Рассматривается авторская методология эмпирического исследования скрытых в коллективном сознании архетипических мотивов на основе моделирования сказочных сюжетов. В основу предложенной методики положены теоретические разработки психоаналитического подхода, положения персонализма, а также идеи восточной и русской философии.

Ключевые слова и фразы: архетип; философия; К. Г. Юнг; эмпирическое исследование; миф; народная сказка; архетип героя.

Иванова Мария Геннадьевна

*Российский университет дружбы народов, г. Москва
pravodogovor@yandex.ru*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АРХЕТИПИЧЕСКИХ МОТИВОВ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ**

В связи со спецификой понятия «архетип» и существующими сложностями в методологии его исследования в данной статье предлагается авторская проективная методика, позволяющая анализировать архетипы коллективного сознания. При этом под архетипами коллективного сознания мы понимаем единую систему архетипов, представляющих собой сочетание бессознательного и сверхсознательного (или трансцендентного, надсознательного) опыта человечества, объективно выраженного в коллективных или индивидуальных символах и образах.

К. Г. Юнг, описавший теорию архетипов, отмечал проблему их символической многозначности и трудности, связанные с исследованием и пониманием архетипической реальности. К. Г. Юнг утверждал, что хранилищем архетипов выступают сны, мифы, сказки, то есть «творчески оформленный материал, содержащий человеческие нравы и обычаи, “вечные темы” и образы культуры, иными словами, культурный потенциал, который, обладая реальной психической энергией, способен не только пробуждать те или иные эмоции в представителе определенного этноса, но и побуждать его совершать действия, далеко выходящие за рамки обыденных» [8, с. 86].

Таким образом, можно утверждать, что архетипы как часть глубинной психики человека и народа отражены в мифологии, сказках, былинах, различных памятниках литературы и искусства. Среди указанных источников сказкам, на наш взгляд, прежде уделялось лишь второстепенное значение: сказка чаще рассматривалась как вымысел или развлекательная история [1; 3], но не как источник архетипических образов и смыслов. Такое редуцированное понимание сказки находит свою системную критику [2; 5] и, в частности, в исследованиях ряда филологов [4; 13-15; 21] и психологов [6; 19] можно встретить психологизм или более глубинное и целостное исследование сказочных сюжетов как метафоры и символа определенного мировосприятия, отражение бессознательных психических процессов.

В юнгианской концепции сказки считаются не только носителями архетипов [24, с. 72], но и выразителями глубинной части коллективного сознания определенного народа. В частности, Дж. Кэмпбелл отмечал, что «просто удивительно, как самая незатейливая детская сказка обладает особой силой затрагивать и вдохновлять глубокие пласты творчества – подобно тому, как капля воды сохраняет вкус океана» [9, с. 11]. При этом также и в индийской философии считается, что сказки, равно как и былины, легенды и т.п., отражают психологизм самой жизни, а сказочные персонажи могут интерпретироваться как персонификации определенных свойств и состояний личности [22, с. 45-46]. И в отечественной науке мы встречаем подход [10; 11; 16-18; 25], согласно которому сказка представляет собой историю развития сознания, процесс «инициации личности» [23], несет больше психологический и глубинный смысл, нежели просто развлекательный или социально-исторический подтекст культуры.

При психологическом подходе герой сказки в её сюжете символически выражает раскрытие своего потенциала. В частности, К. Г. Юнг отмечал, что основной мотив сказки заключен во внутреннем психологическом развитии личности через сонастройку индивидуального сознания с заданными в сказке архетипическими «жизненными сценариями».

Однако деятельность К. Г. Юнга в основном была связана с индивидуальной терапией, в то время как анализ сказочных архетипов, на наш взгляд, может быть расширен до коллективной терапии через поиск и понимание исконных символов и образов культуры.

Как мы полагаем, сказка не только выявляет «типические жизненные сюжеты», архетипические сценарии у определенного народа, но и отражает архетипические травмы этноса, а также способы их терапии. В этом смысле, в отличие от западной философии, восточная мысль рассматривает сказки и древние эпосы как источник знаний о возможностях коллективного и индивидуального развития [22, с. 10-11].

Таким образом, исследование и психологическая интерпретация народных сказок способны приблизить нас к пониманию архетипических сценариев и сюжетов, выражающихся через индивидуальное бытие представителей определенного этноса.

С другой стороны, сказки позволяют конструировать модели и образы будущего. Сказка как источник глубинных концептов и символов культуры способствует обнаружению неосознанных идеалов и страхов народа. И, например, когда в рамках эмпирического исследования мы просим респондентов смоделировать в форме сказки их представление о той или иной теме (допустим, даем задание написать сказку о том, как простой человек стал главой государства), мы можем получить обширный и богатый по содержанию материал для исследования скрытых в коллективном сознании архетипических мотивов. Повторяющиеся сюжеты, акцентированные черты характера сказочных героев могут не только раскрыть особенности индивидуального характера респондентов, но и помочь выявить основные коллективные предпочтения и бессознательные тенденции, существующие в определенной области. Таким образом, применение материалов сказок в эмпирических исследованиях может быть расширено до проведения политологических, социологических и иных исследований, связанных с форсайт-прогнозированием [7; 12].

В настоящее время нами было разработано две методики, позволяющие проводить подобные исследования. Их цель – выявление архетипов для профилактики социальных конфликтов, анализа общественно-политических процессов, а также для широкого спектра иных задач.

В первой методике, представленной в данной статье, для респондентов предлагается простое задание, заключающееся в написании по определенному алгоритму сказки на заранее заданную тему. Анализ написанных сказок предоставляет тот материал, благодаря которому выявляются определенные архетипические мотивы коллективного бессознательного группы людей или отдельного народа.

Провести такую работу позволяют несколько предпосылок. Во-первых, воображение и сказки как продукт этой деятельности апеллируют не столько к разуму, сколько к чувствам и ценностям «человека с улицы». Во-вторых, при написании сказки человек чувствует себя более расслабленным, от него требуется не столько «правильный ответ», сколько творческий подход к решению поставленной задачи, что отчасти раскрепощает его и открывает доступ к подсознанию. В-третьих, человек получает возможность выразить собственные ценностные ориентиры, смоделировать сказочный сюжет и тем самым представить себя автором уникального произведения. В-четвертых, сочинение сказки, так или иначе, вскрывает скрытые паттерны сознания человека (даже если создание сказки воспринимается как формальная процедура, человек все равно будет описать о том, что уже представлено в его картине мира).

Методика, связанная с написанием сказок, имеет свои преимущества. В частности, человек в ходе исследования выражает лишь то, что уже присутствует в нем, заданный формат сказочного жанра допускает фантазию и вымысел, которые, с позиции юнгианцев, выражают архетипы коллективного сознания в той же степени, как сны, мифы или значимые символы и образы культуры. В сказке реальность всегда символически разделяется на две противостоящие друг другу области: героя и того, с чем он борется (или что преодолевает). Герой сказки символизирует собой Добро, все, что ему противостоит, выражает Тень (или то, присутствия чего индивид подсознательно не желает в своей жизни). Кратко этот тезис отразил в своих исследованиях Дж. Хендерсон: «Эта Тень представляет собой не просто противоположную сторону сознательного эго. Подобно тому, как оно содержит неприятные и деструктивные установки, так и Тень имеет хорошие качества – нормальные инстинкты и созидательные импульсы. В борьбе первобытного человека за обретение сознания этот конфликт выражался в противоборстве архетипического героя с космическими силами зла в облике драконов и других чудовищ» [20].

Таким образом, анализируя материал написанных сказок, мы всегда подразумеваем, что герой сказки представляет собой социально приемлемые «хорошие» качества, точнее то, что человек выбирает для себя как идеальную модель поведения в обществе. Это то, каким человек хочет преподнести себя миру. Герой сказки, придуманный конкретным человеком, отражает его предпочитаемые жизненные модели и взгляды. Анализ всего массива сказок позволит смоделировать образ коллективного героя и выявить наиболее характерные его черты.

Тень (или отрицательные персонажи сказки, а также препятствия и проблемные ситуации, описанные в сюжете) – это неприемлемые для человека образцы поведения и качества, осуждаемые им, вытесняемые в бессознательное, то, чему он противостоит и чего «не хочет» в своей жизни. Столкновение героя сказки с препятствием (своей персонифицированной Тенью) приводит к конфликту, от разрешения которого зависит развитие героя, успешное преодоление им «вызова жизни» [19, с. 30].

Когда мы анализируем материал написанных сказок, то основными ключами к пониманию являются те образы-символы, которые там описаны. И хотя психологическая интерпретация сказок носит творческий характер и зачастую связана с авторской позицией самого исследователя, в самом общем виде такие ключи могут быть представлены следующим образом.

Главный герой сказки – это социальная маска или роль человека, которой он бы хотел соответствовать в социуме. Чем больше респондентов выбирает одни и те же роли, тем с большей вероятностью можно утверждать о присутствии в социуме определенных бессознательных установок к выбору предпочитаемых ролей и моделей.

Действия главного героя – это те стратегии и способы поведения, к которым у человека имеется предрасположенность (для примера вспомним стратегии героев русских народных сказок Ивана-Царевича или Ивана-Дурака, где в первом случае превалирует активная позиция, во втором – пассивная). Действия героя в сказке – это, как правило, символически выраженные стратегии действия человека в социуме.

Ресурсы главного героя (формат сказки не ограничивает ресурсы, среди них могут быть и волшебные, и реальные предметы) – это есть то, что человек воспринимает в своей жизни как нечто важное и необходимое. Например, если в сказке отсутствует описание ресурсов, значит, человек может подсознательно ощущать, что лишен их, либо не имеет на них права.

Антигерой, отрицательные персонажи – это тeneвая сторона коллективного подсознания или то, что подсознательно либо отрицается, либо с чем борются, то, что людям трудно принять и с чем они не хотят подсознательно мириться в себе или в окружающих. Это и есть основные травмы этноса, выявление которых позволяет сделать вывод о бессознательных мотивах и «травмирующих темах».

Окончание сказки в метафоричной форме описывает, каким образом негативные явления могут быть трансформированы. Это своего рода подсказка подсознания, которая может помочь в выработке определенных решений при работе с теми или иными негативными социальными явлениями в обществе.

В целом данная методика, на наш взгляд, позволяет выявить основные архетипические дуальности, в которых пребывает суммированное коллективное сознание опрошенных людей. Знания об этих явлениях могут помочь в прогнозировании определенных общественных процессов, а также позволить их предотвратить. Фактически сказка – это сцена жизни отдельной личности, либо фрагмент того состояния сознания, в котором происходит написание сказки. Однако повторяющиеся сюжеты, одни и те же проблемы, общие черты героев или антигероев у разных людей могут дать представление о срезе жизни того социума, в котором проводится исследование.

Второй вариант методики представляет собой более развернутую версию той, что описана выше, состоит из нескольких разделов, включает в себя ряд дополнительных проективных методик (например, рисуночный апперцептивный тест, тест незаконченных предложений Сакса-Леви и др.), позволяющих соотносить данные, полученные из текста сказок с данными о психологических предпочтениях и выборах респондентов.

В статье мы лишь обзорно коснулись методологических сложностей, связанных с исследованием архетипов. Методология исследования архетипов, предложенная К. Г. Юнгом, была разработана в рамках психоаналитической традиции с целью психотерапии. Тем не менее, совершенствуясь, эта теория нашла отклик в исследованиях философов, политологов, культурологов, филологов. В связи с этим методология анализа архетипов также совершенствовалась и дополнялась разными научными подходами. На наш взгляд, одной из ценных находок К. Г. Юнга стало то, что он обратил внимание научного сообщества на мифологию и сказки как источник архетипической реальности. Хотя эта идея и не является новаторской, но благодаря подходу К. Юнга она получила широкую известность и популярность. Сказки как источник глубинных концептов и образов определенного народа имеют свою традицию исследования и в отечественной науке.

Рассмотренные подходы позволили автору разработать методику исследования архетипических мотивов коллективного сознания, основанную на народных сказках. Она позволяет не только изучать глубинные смыслы этноса в прошлом, но и анализировать содержание архетипов, представленных в современном общественном сознании. Оценка скрытых паттернов общественного сознания и культуры через анализ Героя, Ресурсов, Антигероя и самого окончания сказки может послужить основой для качественных эмпирических исследований, в том числе актуальных социальных и политических процессов.

Список источников

1. Аксаков И. С. Наше зная – русская народность / сост. и комм. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
2. Аникина В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. М.: Книга по требованию, 2013. Т. 3. 848 с.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
5. Добролюбова Н. А. Избранное. М.: Искусство, 1975. 439 с.
6. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Основы сказкотерапии. СПб.: Речь, 2006. 171 с.
7. Иванов В. Г. Агентное моделирование эволюции партийной системы РФ на основе распределений Парето и Хотеллинга. Часть I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 58-77.
8. Иванова М. Г. Национальные архетипы России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 2 (16). С. 83-95.
9. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2016. 352 с.
10. Майков В. В. Героизм как психотерапия: терапевтические игры медиапространств массовой культуры // Трансперсональная психология. Психология и психотехника. 2016. № 5 (92). С. 427-435.
11. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
12. Попова О. В. «Фантастические» перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека // Проблемы совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблемы социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самозобретения человека. Как возможен совершенный человек? / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. С. Н. Корсакова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 164-174.
13. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
14. Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Поэтика фольклора. М.: Русская литература, 1964. № 4. С. 58-77.
15. Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147-155.
16. Сергеева А. Дорога в тридцатое царство: в 2-х т. М.: Касталия, 2016. Т. 2. 228 с.
17. Синявский А. Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 464 с.
18. Трубецкой Е. Н. «Иное царство», его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 100-118.

19. Франц М.-Л. фон. Феномены Тени и зла в волшебных сказках / пер. с англ. В. Мершавки. М.: Независимая фирма «Класс», 2010. 352 с.
20. Хендерсон Дж. Л. Древние мифы и современный человек [Электронный ресурс]. URL: <http://carljung.ru/Library/Henderson.htm> (дата обращения: 25.06.2017).
21. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исследований, Центр типологии и семиотики фольклора; подгот. текста к изд. А. С. Архиповой. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
22. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений: в 30-ти т. СПб.: Адити, 2004. Т. 2. Тайна веды / пер. с англ. 560 с.
23. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 222 с.
24. Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 23-94.
25. Яковлева Е. Л. Баба-Яга как архетип русской женщины // Психология и психотехника. 2014. № 8. С. 838-845.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING ARCHETYPICAL MOTIVES OF COLLECTIVE CONSCIOUSNESS

Ivanova Mariya Gennad'evna
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
pravodogovor@yandex.ru

The article analyzes certain philosophical and methodological aspects of the study of archetypes. The author focuses on the importance of folk tales as a source of deep concepts and symbols of national culture. The author's methodology of empirical research of archetypal motives hidden in the collective consciousness on the basis of fairy-tale plots modeling is considered in the article. The basis of the proposed methodology is the theoretical development of the psychoanalytic approach, the positions of personalism, as well as the ideas of Eastern and Russian philosophy.

Key words and phrases: archetype; philosophy; C. G. Jung; empirical research; myth; folk tale; archetype of character.

УДК 947.084.6(571.6)

Исторические науки и археология

На основе архивных материалов анализируется процесс подготовки и проведения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. одного из главных советских праздников – Дня международной солидарности пролетариата (1 Мая). Праздник рассматривается как составная часть общей политико-идеологической и психологической обработки населения региона. Выявляются основные формы и виды политико-идеологической подготовительно-организационной деятельности местного партийного руководства, описываются достижения и недочёты, а также характеризуются сами праздничные мероприятия в городах и районах Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток СССР; праздничные мероприятия; политико-идеологическая работа; демонстрация; агитация.

Исаев Александр Александрович, к.и.н., доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
alex.hist@mail.ru

ПОДГОТОВКА И ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА (ТРУДЯЩИХСЯ) НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1930-Е ГГ. КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

1 Мая, или День международной солидарности пролетариата (трудящихся), являлся самым старым среди праздников, широко отмечаемых партией большевиков. Однако первоначально он был больше днём борьбы за права рабочих. Праздник, зародившийся в США в 1886 г.¹ и достаточно быстро распространившийся в Европе, в Российской империи впервые отметили в 1890 г.: в Варшаве прошла первомайская стачка рабочих. На следующий год в Петербурге состоялась первая маёвка. С 1897 г. маёвки начали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. Именно как праздник 1 Мая официально отмечается в России с 1917 г. После Октябрьской революции он стал одним из основных и важных праздников в Советской России (позже в СССР). Согласно Кодексу законов о труде 1918 г., 1 Мая получил название День Интернационала и был объявлен выходным. В 1928 г. его стали отмечать ещё и 2 мая, а в 1930 г. переименовали в Праздник международной солидарности пролетариата: в этот день народу следовало демонстрировать

¹ 1 мая 1886 г. в г. Чикаго (США) прошли массовые митинги и демонстрации рабочих за введение восьмичасового рабочего дня. В результате столкновения с полицией два человека погибли, семерых приговорили к смертной казни. В июле 1889 г. Парижский конгресс второго Интернационала в знак солидарности с чикагскими рабочими принял решение о проведении 1 мая ежегодных рабочих демонстраций.